

«Либерея» Ивана Грозного в историографии

1. Библиотека Ивана Грозного как научная проблема

Данная тема весьма рискованна для исследователя, взявшегося её рассмотреть всерьёз – ввиду опасной близости в ней к вопросам гуманитарных наук вопросов кладоискательства. Действительно, со времени работы над этой темой И.Я. Стеллецкого она, как представляется, навсегда приобрела некий оттенок маргинальности и псевдонаучности. Укажем, что мысль о возможности нахождения скрытого в недрах земли «особого фонда» библиотеки Ивана IV разделялась такими серьезными исследователями, как А.А. Амосов, А.А. Зимин, М.Н. Тихомиров, С.О. Шмидт. Наиболее полная характеристика этого вопроса дана А.А. Амосовым в комментариях к публикации реконструкции царской библиотеки Н.Н. Зарубиным:

И.Я. Стеллецкий до конца своей жизни был убеждён твёрдо в том, что библиотека находится в Кремлёвских подземельях... М.И. Слуховский допускает возможность существования в XVI в. в Москве богатой библиотеки, которая «позднее потерпела очень значительный ущерб» и если не погибла полностью, то «остатки её, возможно, объединились с Патриаршей (позднее Синодальной) библиотекой». М.Н. Тихомиров, справедливо указывая на распыление в XVII-XVIII вв. русских книг царской библиотеки, не исключал того, что греческие и латинские рукописи Грозного и в наши дни пребывают где-либо в кремлёвских тайниках... Необходимость продолжения обследования кремлёвских подвалов признают и А.А. Зимин, отмечая вместе с тем возможность перехода некоторых книг царской библиотеки в собрания митрополичьей кафедры и Посольского приказа... и С.О. Шмидт, указывая на незавершённость ране проводимых раскопок... На желательность археологических исследований с целью поисков библиотеки в подземных тайниках (но не в Москве, а в Александрове) указывает и В.Н. Осокин [Амосов, Зарубин 1982: 74].

И вместе с тем нельзя не испытывать определённого скепсиса по отношению к самой постановке вопроса, представляющей собой своего рода авантюрный проект похода «по подвалам за книгами», перефразируя известное выражение В.Б. Кобрина, и потому имеющей слишком много общего с археографическим духом времён П.М. Строева. Подобный дух чреват тем, что ожидание практического результата – обнаружения некоего подземелья и замурованного в нём «клада» – заставляет уделять меньше внимания точности в определении того, что именно мы ищем. По этой причине нам представляется принципиально важным чётко указать объект и предмет исследования.

Термин «либерея» заимствован из хроники Ф. Ниенштедта (1540-1622) и означает не всю библиотеку Ивана IV, а только её «иностранный фонд» – греческие, латинские и еврейские книги. Эти книги, согласно хронике, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах, откуда две из них в присутствии царя, дьяков И.М. Висковатого и Н.И. Фуникова были «подняты» и предложены пастору И. Веттерману для перевода, от исполнения которого тот отказался. При этом, согласно хронике, Веттерман восхищается богатствами книжного собрания Московии и сокрушается, что его бедность не позволит ему купить это собрание, столь ценное для исправления лютеранства. С.О. Шмидт отмечал: «Характеризуя книжное собрание Ивана Грозного, правильнее было бы говорить о двух библиотеках, о двух (или даже трёх) разделах царского книжного фонда – античном (малодоступном или даже вовсе недоступном) и современном, которым пользовался царь и который был доступен, видимо, и для его приближённых» [Шмидт 1984: 10]. Однако слово «античный» заставляет отметить ещё одну (представляющуюся нам наиболее важной) терминологическую неточность. Применяя эту характеристику к одному из разделов библиотеки, С.О. Шмидт, вероятно, ориентировался не столько на уже указанный нами источник, сколько на показания так называемого «анонима Дабелова» – отрывок из некоего списка, сообщающий, что в царской библиотеке хранятся около восьмисот книг греческих и латинских авторов,

среди которых названы Тит Ливий, Цицерон, Светоний и целое «созвездие» других классических авторов; однако, как отмечает В.П. Козлов, «...“Записка анонима” далеко отстоит от оригинального рассказа Ниенштадта. Последний, например, сообщил, что Веттерман видел в библиотеке Ивана Грозного не только греческие и латинские, но и еврейские рукописи» [Козлов 1994: 128]. При этом необходимо отметить, что происхождение и достоверность двух этих источников крайне различны. Если хроника Ф. Ниенштедта, составленная в 1604 г., имеет давнюю историографическую традицию, в истории отечественной исторической науки восходящую ещё к «Истории...» Н.М. Карамзина, которому она была известна по книгам Гадебуша и Арндта, то происхождение «списка Дабелова» гораздо сложнее и загадочнее:

Первое известие о «Записке анонима» принадлежит профессору римского и германского права Дерптского университета Х.Х. Дабелову (1768-1830). До прибытия в 1818 г. в Дерптский университет и во время пребывания в нём Дабелов снискал известность своими историко-правовыми исследованиями... В 1822 г. в статье «О юридическом факультете в Дерпте» Дабелов опубликовал выдержку из названного им «Указателя неизвестного лица» – список рукописей юридического содержания, некогда находившийся в библиотеке русского царя. По словам Дабелова, после приезда в Дерпт, в процессе архивных разысканий среди неопубликованных бумаг им и был обнаружен этот список. Сообщение Дабелова вызвало живой интерес в зарубежных научных кругах. Находка была высоко оценена в ряде откликов. Но наряду с этим зазвучали и скептические голоса... Сообщение Дабелова так, вероятно, и затерялось бы на многие годы, если бы им не заинтересовался молодой учёный Ф.В. Клоссиус (1795-1838), изучавший право в Тюбингенском университете и снискавший к этому времени авторитет в учёных кругах своим открытием (в Амброзианской библиотеке в Милане) и изданием новых отрывков из «Юридического кодекса» византийского императора Феодосия. В 1824 г. Клоссиус прибыл в Дерпт и в апреле того же года стал ординарным профессором кафедры уголовного судопроизводства, истории, права и юридической словесности. Здесь он и познакомился с профессором Дабеловым и его находкой. Уже в ноябре 1824 г. в письме к одному из своих коллег, опубликованном в 1825 г., Клоссиус сообщал, что «Существует рукописный каталог библиотеки царя Ивана Васильевича Великого, супруга принцессы Софьи, племянницы последнего византийского императора. Этот князь купил много рукописей на Востоке» [Козлов 1994: 114].

Впрочем, внимание исследователей известие Клоссиуса получило лишь десять лет спустя, после публикации указанного «списка». Тем не менее дальнейшее изучение нового источника было невозможно ввиду того, что его первооткрыватель, Дабелов, не мог вспомнить не только имени его автора, предполагая, что его звали Веттерманом, но и точного места его хранения.

Далее Клоссиус писал, что по приезде в Дерпт в 1824 г. его первым желанием было отыскать оригинал «Рукописи профессора Дабелова», «ибо я предполагал вместе с г. профессором Дабеловым, что оный находится в архиве перновского городского совета». Однако поиски оказались тщетными, даже старые архивисты не могли припомнить указанной связи. Не значилась она и ни в одной из описей. Похожая по характеру документов тетрадь была, правда, в 1820 г. передана Дабелову городским фискалом Пярну Э. Франтценом. «Так как и г. Франтцен, – продолжал Клоссиус, – не помнил, чтоб он сообщал профессору Дабелову что-нибудь, кроме этого одного тома, и осведомления мои в других местах остались без всякого успеха, то я принужден был вовсе отказаться от надежды увидеть собственными глазами этот достопримечательный документ» [Козлов 1994: 117].

Столь запутанная история с бесследным исчезновением подлинного документа позволила Н.П. Лихачёву констатировать, что «каталог книг библиотеки царя Ивана IV, пастора Anopimus'a, сообщённый профессором Дабеловым и дающий такие, по-видимому, драгоценные сведения, должен быть признан подложным и всецело отвергнут как недостойная фальсификация» [Лихачёв 1894: 86].

Таким образом, достоверность первого источника – шведской хроники начала XVII в. – не вызывает в историографии серьёзных сомнений. Снова обратимся к комментариям А.А.

Амосова: «М.И. Слуховский констатирует причастность московских дьяков к осмотру библиотеки Веттерманом, но очень скептически оценивает подробность рассказа пастора... М.Н. Тихомиров, относящий показ библиотеки к 1565 г., признаёт достоверность этого свидетельства и полагает, что “свидетельство Ниенштедта о её (библиотеки. – А.А.) существовании не может быть опровергнуто никакими натяжками и придирами”. Достоверность Ниенштедта признаёт и А.А. Зимин, однако показ книг Веттерману он относит к июню 1570 г. Безусловно принимает рассказ Ниенштедта В.Н. Осокин, считающий, вслед за Тихомировым, что царь принимал Веттермана в 1565 г., но не в Москве, а в Александровой слободе» [Амосов, Зарубин 1982: 68]. В то же время второй источник – «аноним Дабелова» – вызывает серьёзные претензии не столько по вопросу достоверности, сколько по вопросу подлинности. Между тем именно этот источник даёт нам список авторов и произведений, представленных в библиотеке московского государя, тогда как хроника Ниенштедта сообщает о составе библиотеки крайне расплывчато и вряд ли позволяет характеризовать «либерею» как «античную» часть книгохранилища Ивана IV.

Ещё одним источником по исследованию состава царской библиотеки является так называемая *Опись Царского архива*. Впервые изданная в 1836 г. Я.И. Березниковым, она была исследована Н.П. Лихачёвым в 1890-е гг. в контексте поисков царской библиотеки, с которой её связывает личность И.М. Висковатого: так, хроника Ф. Ниенштедта указывает, что вскрытие сводов и демонстрация книг пастору Веттерману были произведены в присутствии И.М. Висковатого и Н.И. Фуникова, каждый из которых имел отношение к должности печатника, ведавшего царским архивом. «...Сам вопрос о Государственном архиве XVI в. рассматривался Н.П. Лихачёвым в связи с полемикой о так называемой библиотеке Ивана Грозного», – резюмирует А.А. Зимин [Зимин 1978: 11]. Таким образом, *Опись царского архива* связывается с вопросом о «либерее» через две её характеристики, каждая из которых также связана с вопросом терминологии. Во-первых, *Опись* часто использует слово «книга»; особенное значение для Н.П. Лихачёва имело «... известие “Описи” о том, что в архиве стояла “Коробья Ноугородская, а в ней книги Латинские”. Подчеркнём, что эта коробья хранилась без номера ящика. Что это были за “латинские книги”, мы решительно не знаем» [Лихачёв 1894: 83]; «Во всяком случае мы можем и должны с полным основанием в “латинских книгах”, хранившихся в казне в особой коробье и без номера видеть книги на латинском языке» [Лихачёв 1894: 83-84] – констатирует исследователь.

Однако интерпретация значения слова «книга» в контексте *Описи* не может быть однозначной; так, в приведённом у Н.П. Лихачёва кратком описании его доклада и последующей дискуссии читаем: «Продолжительный доклад вызвал оживлённые прения и сильные возражения со стороны В.Г. Васильевского, Д.Ф. Кобеко, П.А. Сырку, которые находили невероятным отождествление царского архива с царской библиотекой, полагая, что книги “казны” представляли из себя дела дипломатические на разных языках, Д.Ф. Кобеко высказал мысль, что царская библиотека скорее находилась бы в руках духовного лица, а не дьяков. В.Г. Васильевский в “латинских книгах” архива видел переплетённые сборники документов на латинском языке» [Лихачёв 1894: 9-10]. Того же мнения придерживался и А.А. Зимин, предполагая, например, что понятие «книги» отличал от понятия «тетради» не объём, а наличие переплёта [Зимин 1978: 314]. Н.Н. Зарубин в своей реконструкции царской библиотеки под номером 44 (перечень составлен в алфавитном порядке) отмечает «латинские книги» и характеризует известия о них так: «по свидетельству пастора Веттермана, входили в состав книг царской библиотеки... В *Описи Царского архива* от 1575-1584 гг. упоминается и “Коробья ноугороцкая, а в ней книги латинские”... мнение Н.П. Лихачёва, что латинские книги Царского архива следует сблизать с книгами, показанными Веттерману... едва ли справедливо, так как сомнительно, чтобы архив Посольского приказа мог храниться в помещении, вход в которое должен был разламываться всякий раз для поисков того или иного акта» [Амосов, Зарубин 1982: 40].

Н.П. Лихачёв, однако, не видит в этом противоречия: «То, что царская библиотека

хранилась в сводчатых помещениях, и то, что она сберегалась в видах большей безопасности от пожара в подвальном этаже, это не только вполне возможно, но и вполне естественно. Из несомненных летописных свидетельств мы знаем, что как на казённом дворе, так и под Благовещенским собором были “подклеты”, которые и именовались “казнами”, потому что в них сохранялись разные ценные предметы великокняжеского имущества» [Лихачёв 1894: 32-33]). Еврейские книги в Описи также не упомянуты; однако необходимо учитывать аргумент А.И. Соболевского: «Поводом к упоминанию еврейских книг для Веттермана послужило, может быть, то обстоятельство, что царская библиотека имела арабские книги» [Соболевский 1910: 218]. Действительно, список иностранных книг в реконструкции Н.Н. Зарубина начинается с книги «Чудеса природы» Аждабу-ль-махлунеса, личность которого была установлена ещё В.К. Тромониным [Лихачёв 1894: 8], содержащей сочинение «арабского естествоиспытателя Захария бен Мохаммеда Казвини (ум. 1273 г.), содержащее Космографию и естественную историю», которая «была отбита в 1549 г. людьми великого князя “Ураком с товарищи” у казанских послов, ехавших к крымскому царю, и прислана в Москву 7 мая того же года» [Амосов, Зарубин 1982: 30].

По мнению А.А. Амосова, Опись не представляется Н.Н. Зарубину источником по исследованию библиотеки и из-за отсутствия в ней свидетельств о греческих рукописях: «неоднократные упоминания Описи Царского архива о хранившихся там греческих книгах свидетельствуют не о греческих (по языку и происхождению) рукописях, а о делопроизводственных посольских книгах сношений с греческими церковными иерархами и Афонскими монастырями. В этом убеждает аналогичное использование данного термина и составителями описей архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. Вероятно, по этим причинам Н.Н. Зарубин не включил показания Описи Царского архива в число свидетельств бытования в Москве греческих рукописей» [Амосов, Зарубин 1982: 76]. Действительно, основным источником для описания греческих книг под номером 16 является вовсе не опись: «их “бесчисленное множество”, по словам анонимного автора Сказания о Максиме Философе, видел последний в книгохранительнице великого князя Василия Ивановича в 1518 году...» [там же: 33].

Приведённая цитата позволяет перейти ко второму обоснованию связи между Описью и исследованием судьбы «иностранный книжный фонд», а именно к значению в русском языке XVI в. слова «казна» и отношением её к важному для нас слову «библиотека». М.И. Слуховский указывает, что «Термин “библиотека”, греческий по происхождению, на русской почве не привился вплоть до XVIII в. В русских источниках оно встречается всего однажды, едва ли не обмолвкой: под 7110 (1602) г. Соловецкая летопись сообщает: «Построена у соборной церкви в паперти каменная палата для библиотеки» [Слуховский 1973: 6]; до этого времени его заменяло слово «казна»: «По-видимому, на языке XV-XVI вв. казна, как собрание документов, приравнивалась к архиву, а как собрание книг – к библиотеке» [там же: 8]. Важнейшим подтверждением этого предположения может быть признан отмеченный Н.П. Лихачёвым факт, что «... при нескольких документах (ящики 7-й, 8-й) находится указание, что они «у государя в казне <...> ясно, что она (казна. – Н. К.) была лишь временным помещением документов, на то только время, когда они нужны были государю» [Лихачёв 1894: 15]. В той же работе приводится следующее заключение: «Выяснив... широкое значение слова “казна” в языке московского периода и приведя документальные цитаты о “книгах постельной казны”, о “книгохранительной казне” и т.д., референт отметил возможность отождествлять понятия о казне с понятием о библиотеке или архиве» [там же: 8]. Особое значение для археологических поисков «либерей» в начале XX в. приобрела трактовка этого термина И.Е. Забелиным: «Местом хранения... архива при Грозном не могла быть... Посольская палата. Всё дорогое и драгоценное сохранялось в Царской Казне. Для этого при деде Грозного в 1484 г. был построен особый Казённый Двор, палата кирпичная с к а з н а м и, в самом безопасном месте от беспрестанных тогдашних пожаров, между двумя соборами Благовещенским и Архангельским, на набережной стороне Соборной площади...

Тогда же и под Благовещенским собором устроены были также безопасны к а з н ы, т.е. особые сухие помещения в подклетах собора» [Забелин 1894: 3]; «По многим вероятиям все ящики с дорогою письменностью необходимо хранились где-либо в особых к а з н а х Казённого Двора или под собором, но в ведомстве Печатника» [там же: 5].

Вопрос терминологии подытоживает С.О. Шмидт:

Словом «казна» обозначали и то, что позднее стали называть библиотекой, т.е. собрание и хранилище книг – рукописных и печатных. Иногда употреблялись и особые наименования: книгохранительная казна (или книгохранительница), книжная казна, казна у книгохранителя. Такие книгохранительные казны были не только у царя Ивана и митрополита Макария, но и у образованных людей их окружения, в том числе у А.Ф. Адашева, попа Сильвестра, возможно и у И.М. Висковатого <...> В источниках неоднократно находим упоминания о рукописях, которые хранятся в «казнах», без уточнения, что это за казна. В качестве примера можно сослаться на послания А.М. Курбского, где читаем о переводах «священных книг», которые имеются «по монастырям... по многим, в казнах их». О поисках «в казнах своих» восточных рукописей для отсылки ногайскому владельцу писал Иван в 1565 г. Иван Пересветов писал о своих сочинениях, которые «легли в... государевой казне» (т.е., очевидно, в постельной казне Грозного или в Царском архиве). Таким образом, словом «казна» обозначались в то время все хранилища и все архивы (в современном понимании этого слова), в том числе и Царский архив; и употребление в памятниках тех лет слова «казна» применительно к Царскому архиву мало облегчит поиски ответа на вопросы о его ведомственной принадлежности и его фондообразователе [Шмидт 1984: 87-88].

Терминологические уточнения слова «казна» приобрели такое значение для поисков «либерии» ещё и потому, что без них должность печатника – «хранителя царского архива», по выражению С.О. Шмидта, связывалась с деятельностью Посольского приказа, через И.М. Висковатого, который имел

...касательство и к какой-то «книгохранительнице». В 1560 г. Литовский правительственный и культурный деятель Остафий Волович обратился через посланника в Москве к Висковатому с просьбой переслать ему книги – «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста, незадолго перед тем переведённые с греческого языка на русский под руководством Максима Грека <...> В известном рассказе из хроники Ниенштедта о библиотеке рукописей на греческом, латинском и древнееврейском языках, показанной в 1565/66 г. пастору Веттерману и знавшим «московитский язык» немцам приближёнными Ивана Грозного, назван и Висковатый [Шмидт 1984: 157].

Эта трактовка вопроса о «казне» легла в основу наиболее скептической по вопросу о существовании «иностранный книжный фонд» монографии – труда главы архива МИД С.А. Белокурова, который, по словам Н.П. Лихачёва, на предположение И.Е. Забелина о казнах как о подземных хранилищах ответил: «... смеем уверить, что поиски этого архива в земле... будут безуспешны, потому что Архив этот находится... поверх земли». В описи Белокуров видит «опись дел посольского приказа, составленная в 1526 году» и объясняет, что «царский архив XVI века впоследствии... поступил в Посольский приказ и ныне находится в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел» (цит. по [Лихачёв 1894: 12]). Наличие же в составе архива греческих рукописей С.А. Белокуров объясняет деятельностью Арсения Суханова, пересчитывая и сверяя по описям все 498 рукописей, привезённых им в 1654 г. Таким образом мы должны выделить не две, а три основные теории исследователей вопроса о «либерее»: если С.А. Белокуров полностью отрицал наличие в Москве XVI в. греческих и латинских рукописей, считая известие хроники Ниенштедта недостоверным, поскольку Иван IV никогда бы не проявил заинтересованность в переводах светских сочинений, и относя первое появление в Московском государстве серьёзного корпуса греческих текстов к середине XVII в., то Н.П. Лихачёв, не соглашавшийся с С.А. Белокуровым, не считал при этом целесообразными раскопки Э. Тремера в Кремле. «Мы просмотрели известия о библиотеке московских Государей, как отечественные, так и иностранные. Критическое отношение к этим

показаниям выяснило всю тщету надежд найти скрытые в недрах земли книжные сокровища. Из свидетельств русских писателей Максима Грека в особенности мы узнаём, что в личной библиотеке великих князей Московских действительно были греческие рукописи, но всё заставляет думать, что количество их не было значительным. Эта библиотека, так или иначе, была утрачена ещё при жизни царя Ивана Грозного. Достоверное и довольно точное по обстановке показание пастора Веттермана более чем глухо говорит о содержании виденных им книг. То немногое, что было показано Веттерману, может быть отождествлено с латинскими книгами, упомянутыми в «описи царского архива» [Лихачёв 1894: 86]. И.Я. Стеллецкий характеризует подобную гипотезу как «и нашим, и вашим» [Стеллецкий 1993: 51], усматривая также противоречие между признанием существования подвальных помещений, используемых как хранилище, и возможности уничтожения огнём их содержимого [там же].

Слева – И.Я. Стеллецкий (stock image).

Справа – Иван Грозный. Парсуна из Национального музея в Копенгагене.

Источник: <https://commons.wikimedia.org>

Тексты И.Я. Стеллецкого (его дневниковые записи, которые должны были стать так и не опубликованной при жизни спелеолога книгой о поисках «либерей») представляют собой вопиющее сочетание беллетристики на историческую тему (живописные описания исторических деятелей, например, Софьи Палеолог) и пламенных панегириков в адрес И.В. Сталина и строителей московского метро. Подобная страница в реконструкции царской библиотеки не могла не бросить на эту тему тень маргинальности. Наиболее ярко эту страницу характеризует приведённая А.Л. Баталовым и Л.А. Беляевым докладная записка на имя представителя ОГПУ, написанная в 1926 г. П.Д. Барановским, в то время исполнявшим обязанности директора музея-заповедника Коломенское, в который И.Я. Стеллецкий был допущен для проведения спелеологических изысканий: «Вообще по поводу производимых работ должен сказать (как я заявлял с самого начала их Вашему представителю своё мнение), что руководитель их И.Я. Стеллецкий достаточно известен в научных кругах как лицо, не имеющее никакого научного авторитета и страдающее манией подземных ходов и кладоискательства. Имеющиеся в науке опубликованные и архивные материалы до сих пор

никаких сведений о подземных ходах в Коломенском не давали, и настоящие работы Стеллецкого (если у него нет каких-либо не известных другим лицам документов), очевидно, ведётся наугад» [Баталов, Беляев 2013: 34].

Однако для нас в данном случае важно обратить внимание на другое различие между научным и псевдонаучным подходом к исследованию указанной темы. Само заглавие книги И.Я. Стеллецкого – «*Мёртвые книги* в Московском тайнике» (курсив мой. – Н.К.; близкую метафору находим у Б.Л. Фонкича, употребляющего её в выражении «... “оживить” опись, т.е. попытаться отыскать ... книги» [Фонкич 2003: 176]), а также то обстоятельство, что своё повествование о тайном книгохранилище в Кремле автор начинает с красочного перечисления уже известных книжных кладов («книжные предки либереи»), в том числе и библиотеки Ашшурбанипала [Стеллецкий 1993: 21-30], отчётливее всего указывает на ключевое для нас различие в понимании избранной темы: для И.Я. Стеллецкого книга не является книгой, то есть «живым» текстом – читаемым, переписываемым, участвующим в интеллектуальной жизни и принадлежащим к книжной культуре; вместо этого она становится *кладом*, чем-то, что было утеряно, «умерло» и что необходимо снова «оживить», и в подобной «мёртвости» заключается «научный интерес»; таким образом, то, что делает «либерею» ценной для исследователя книжности, обесценивает её для кладоискателя, и наоборот. Принципиальной задачей настоящей работы представляется как фиксация подобного различия, так и обоснование необходимости исследования «либереи» в качестве «живых книг».

Поскольку сведения о «либерее» исходят от иностранцев, вопрос этот тесно связан с вопросом об истории отношений Московской Руси со странами Западной Европы и взаимной рецепции двух сторон в культуре. В этом контексте особенно значимыми оказываются для нас выводы работы А.Х. Горфункеля, представляющей собой фактически единственный пример рассмотрения «либереи» как факта культуры [Горфункель 1993].

А.И. Соболевский, автор ключевой монографии по истории переводной книжности в России, о вопросе периодизации писал так: «У нас господствует убеждение, что Московское государство XV-XVIII веков боялось иноземцев и было как бы отгорожено от западной Европы стеною, до тех пор, пока Пётр Великий не прорубил в Европу окна. Трудно сказать, откуда взялось у нас это убеждение... А между тем фактов, говорящих против него, множество... кто же не знает, что едва окрепло Московское государство, как его правительство стало вызывать изо всех земель запада всякого рода художников, мастеров, сведущих людей? Кто не знает, что оно продолжало (здесь и далее курсив мой. – Н.К.) их вызывать целых два столетия, не щадя ни хлопот, ни расходов, преодолевая препятствия со стороны Ливонии, Швеции и особенно Польши? Кому не известно, что уже в первой половине XVI века в Москве находились наёмные отряды западноевропейских солдат, и что эти отряды всё более и более увеличивались в числе по мере приближения к концу XVII века?» [Соболевский 1903: 38]. Такая периодизация предполагает некую *линейность*, а ключевым событием для её построения – традиционный для отечественной историографии вопрос об интерпретации реформ Петра, вокруг которого и выстраивается концепция истории России конца XV – XVII веков. Необходимо при этом отметить, что из анализа библиографических описаний переведённых книг, приводимого А.И. Соболевским после процитированной вступительной статьи, ясно следует лакуна в переводческой деятельности между началом XVI и серединой XVII вв. [там же: 52-54]. В такую же схему укладываются обобщающие характеристики в исследовании Б.Л. Фонкича: «Первый период истории формирования греческого рукописного фонда российских хранилищ завершается, в основном, в конце XVII – начале XVIII в. вместе с окончанием долгих и постоянных связей России и Христианского Востока, с изменением русской политики в эпоху Петра» [Фонкич 2003: 356]. Тема «либереи» важна именно тем, что позволяет подвергнуть сложившуюся периодизацию проверке, а возможно, и пересмотру.

Основания подобного пересмотра, на наш взгляд, заложены в монографии А.И. Филюшкина «Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны». Он

демонстрирует, что восприятие Московской Руси на Западе было не всегда одинаковым и претерпевало эволюцию:

Если... для отечественных интеллектуалов война с Европой только подтверждала уже имевшиеся культурные установки, дискурсы и идеологемы, то для европейских мыслителей она в самом деле создала ряд новых идентичностей. Именно Ливонская война как первая война России с коалицией европейских государств надолго определила негативный облик русских в глазах Запада [Филюшкин 2014: 293].

К XV в. можно отнести первые изображения собственно России на картах Европы. Причём она однозначно помещается в европейский знаковый контекст [там же: 306].

Таким образом, европейская географическая мысль в XVI в. отнесла Московию к европейским государствам, хотя и определила ей место в “бахроме” христианского мира [“бахрома” – подол платья Европы, персонифицированной на одной из карт. – Н.К.]. В то время уже прозвучали критические точки зрения, либо помещавшие Московию в Азию, либо располагавшие её частично в Европе, частично в Азии... Подобная неопределённость была вызвана динамикой развития характера роли, приписываемой России в историческом сценарии Европы. А эта роль с начала до середины XVI в. прошла в европейском сознании все... этапы реализации модели открытия Европой чужого мира: познание, попытка вписать в аналоговый контекст (конец XV – середина XVI в.), готовность включить в европейский мир (первая треть XVI в.) и затем – осознание факта, что москвиты – “существенно другие”, отторжение и однозначная дефиниция как неевропейского государства (вторая половина XVI в., время Ливонской войны) [там же: 314].

Периодизация отечественной истории, которая не противоречила бы данным тезисам, не принята в научной литературе; однако она под термином «европейское столетие России» содержится в публицистических текстах А.Л. Янова (которые, к сожалению, никак не комментируются в историографическом обзоре А.И. Филюшкина). Таким образом, представляется возможным делать выводы о недостаточной изученности первой половины XVI в., раз подобная умозрительная концепция, автор которой ясно указывает на то, что с источниками он не работал, неожиданно оказывается едва ли не полностью подтверждённой таким серьёзным и фундированным исследованием. Одновременно это делает «либерею» в качестве «живых книг» – то есть того, что участвовало в культурной жизни XVI века (их могли читать, переписывать, покупать, знать об их существовании и собираться купить или прочесть, воображать их существование и т.п.) важнейшим материалом по исследованию русской культуры указанного периода.

При этом нам особенно важно прокомментировать выводы А.Х. Горфункеля о существовании «либереи» исключительно в воображении ренессансных интеллектуалов: во многом разделяемые нами, они тем не менее вызывают необходимость уточнения методов интерпретации исследователем вопроса о «либерее» этой взаимной рецепции и культурного взаимодействия, доказательством которого она становится. Соглашаясь с выводами исследователя о безусловном различии роли «греческих книг» в ренессансной Европе и Московском государстве XVI века, мы тем не менее считаем более значимым для дальнейшего развития темы констатацию в этом выводе того факта, что две эти роли пересекались и имели возможность получить представление друг о друге. В этой ситуации для дальнейших исследований представляется более перспективным подход с точки зрения «исторических казусов», давно и успешно применяемый в медиэвистике.

Значение исследования «либереи», таким образом, заключается в вопросе о возможности установления общего семантического содержания источников, созданных в XV-XVI вв. в Московском государстве и странах Западной Европы. В этом контексте «греческие, римские и еврейские книги» оказываются связанными с европейским Ренессансом, а не с Византией, как они рассматриваются в исследовании Д.М. Буланина [Буланин 1991] и как определяет их значение А.Х. Горфункель, указывающий, что «для

русских греческая книжность, весьма ими почитаемая, — это исключительно книжность православная, прежде всего книги церковного, богослужебного обихода, для их собеседников (иностранцев. – Н.К.) – памятники древнегреческой, “еллинской”, языческой традиции» [Горфункель 1993: 247]. Именно в этом, на наш взгляд, заключается значение предполагаемого «иностранного фонда» библиотеки Ивана IV для исследователя-гуманитария, специалиста по истории книжности и интеллектуальной истории. Обоснованность ещё одного «витка» проверки аргументов в пользу и против наличия в составе библиотеки царя латинских, греческих и еврейских книг видится нам в том, что в контексте сложившейся к настоящему моменту историографии России первой половины XVI в. исследовательский «вопросник» не должен исходить из обоснованности / необоснованности раскопок в Кремле, Коломенском или Александрове. Для данной работы также *не важно*, находится ли в настоящий момент её объект под землёй в целостности и сохранности, ожидая очередного спелеолога-кладоискателя: книги, находящиеся под землёй и никак не проявляющиеся в текстовых источниках, являются «мёртвыми» и потому не представляют интереса для исследователя книжности.

Таким образом, в настоящий момент нам представляется важным ответить на вопрос, насколько обоснованным было утверждение А.И. Соболевского: «... о царской библиотеке гремела слава далеко за пределами Московского государства, и все нуждавшиеся в какой-нибудь книге надеялись найти её у московского царя» [Соболевский 1910: 220]. Подтверждение этих слов, относящихся к полемике с С.А. Белокуровым и потому лишённым должной фундированности, мы находим в монографии А.И. Соболевского. Так, он отмечает бытование в Московии нескольких текстов, ключевых для интеллектуальной жизни современной ей западноевропейских государств:

- *Трактат Моисей Маймонида о логике* («Может быть, дальнейшее исследование покажет, что русский текст представляет значительные отклонения от текста еврейского, или даже лишь пересказ последнего. Но с нас достаточно одного того факта, что Синодальная рукопись представляет перевод Моисея Маймонида» [там же: 404-405];
- «*Тайная тайных*», или «*Аристотелевы врата*»: «Курбский увлекается им, и его идея о значении боярства, выдаваемые нашими историками за идеи московских бояр, – не что иное, как идеи этого произведения» [там же: 419]; «Оригинал Тайных – одна из редакций очень распространённого на западе Европы в средние века и в XV в. сочинения псевдо-Аристотеля *Secretum Secretorum*. Мы до сих пор не имели случая иметь в руках ни одного печатного издания этой книги, и поэтому не можем ничего сказать об отношении нашего текста к западно-европейским» [там же: 421]; в статье К.Ю. Ерусалимского приводится и другой источник воззрений А.М. Курбского: «... в сочинении Максима Грека «Главы поучительные начальствующим правоверно» приводится даже сравнение: царь – орёл, а советники его – крылья, без которых он рухнет на землю» [Ерусалимский 2015: 247]).

Обобщая эту общую интеллектуальную традицию, мы можем сказать, что в XVI в. «...Европу наводнили печатные астрологические альманахи, а в публичной жизни периодически возникали слухи о небесных знамениях, будто бы предвещающих скорый конец света. В Москве на эту тему ещё в правление Василия III обменивались мнениями видный придворный Ф.И. Карпов и Максим Грек, призывавший не поддаваться новой моде» [Ерусалимский 2015: 253].

Добавим сюда Филофея и Мисюря Мунехина. Другим хрестоматийным примером может быть свидетельство Псковской летописи о практикуемой Иваном IV казни – «обшивании медведном», которая находит параллели в жизнеописании Пелопида Плутарха, где упоминается Александр, тиран Ферский, который «... иных приказывал обернуть в

шкуру кабана или медведя и, спустив на них охотничьих собак, развлекался, глядя, как несчастных рвут на куски и закалывают кольями» ([Плутарх, Пелопид, гл. 29](#)); как тут не вспомнить о новгородской «коробье» с латинскими книгами. Связывая же приведённые цитаты с описанием книг, хранящихся у государя Московии и представляющих такую ценность для европейских интеллектуалов, как латинских, греческих и еврейских, мы считаем уместным сослаться на «герметическую традицию», исследованную Ф.А. Йейтс: «Под именем Гермеса Трисмегиста возникла обширная литература на греческом языке, имевшая предметом астрономию и оккультные науки, тайные свойства растений и минералов и основанную на этих свойствах симпатическую магию, изготовление талисманов для привлечения энергии звёзд и т.п. [...] как бы то ни было, написаны они были не в глубокой древности неким всеведущим египетским жрецом, как считалось в эпоху Возрождения, а множеством неизвестных авторов, видимо сплошь греческих, и содержится в них популярная греческая философия того времени – смесь платонизма и стоицизма с кое-какими европейскими и, возможно, персидскими влияниями» [Йейтс 2000: 10; см. также Йейтс 1999]. Немаловажным представляется в связи с этим сравнить формулировку термина «либерей» из хроники Ф. Ниенштедта с упомянутыми в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона надписями [«на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латыни и на испанском»](#), вручёнными путешественникам представителями загадочной страны Бенсалем, в которой, в частности, [«... имеются некоторые... сочинения, считающиеся... утерянными, а именно его \(Плиния. – Н.К.\) Естественная история...»](#). Прямо на принадлежность «либерей» к ренессансному контексту указывает А.Х. Горфункель: «Вот почему легенда об «античной» библиотеке московских государей не имела русских корней, никак не отражена в памятниках русской письменности; она возникла на почве западной гуманистической культуры как своеобразное выражение новой ситуации, связанной с интересом к восточной христианской державе, политической и духовной наследнице Византийской империи» [Горфункель 1993: 247].

У А.И. Соболевского находим ссылку на источник, подтверждающий такой интерес к древним книгам и представление о Московском государстве в качестве источника таких книг – «... два письма польского гуманиста Яна Ляского к немецкому гуманисту Амербагу, одно из Гнёзно от 1 июля 1526 г., другое из Кракова, от 31 марта 1521 г. [Соболевский 1910: 221]. Перевод этих писем находим в книге М.И. Слуховского:

1 июля 1526 г. Ляский писал из Гнёзна: «Я полагаю, что добуду сочинения церковных греческих авторов, ещё никогда не издававшиеся. Ибо я дал поручение некоторым своим друзьям, чтобы они поискали их ещё в Москве, где ныне имеется как бы некий источник всего греческого вероучения». Вскоре Ляский в письме из Кракова от 30 марта 1527 г. подтверждал: «Я ожидаю из Москвы некоторые старинные греческие книги; в том направлении ведь до сих пор процветает Греция [т.е. православное вероучение]. Мне сообщают, что какие-то первоклассные произведения, списанные с древних оригиналов, посланы мне оттуда [...] где ещё по сие время уважение к греческой религии остаётся полностью неколебимым» [Слуховский 1964: 99].

А.И. Соболевский заключает: «Из приведённых слов Ляского видно, что будучи близким родственником примаса и коренного канцлера Ляского, он сумел завязать связи с кем-то в Москве, может быть, с Максимом Греком, и получил сведения о древних греческих рукописях, там находящихся; что из Москвы ему обещали прислать списки с каких-то древних греческих текстов. Несмотря на некоторые неясности (мы не знаем, что хотел сказать Ляский, говоря, что в Москве «цветёт Греция»), свидетельство Ляского имеет огромную цену, относясь как раз к тому времени, когда Максим Грек ещё был в Москве и пользовался греческими книгами великого князя» [Соболевский 1910: 221].

Завершим цитатой, позволяющей ярче увидеть разницу между двумя разными семантическими контекстами, к которым может отнести «либерей» вопрос периодизации, поскольку снова отсылает к её первому варианту: «XVII столетие – время расцвета греческо-

русских связей. Надолго прерванные падением Константинополя в 1453 г. и восстановленные в первой половине XVI в., эти связи вновь становятся интенсивными на рубеже XVI – XVII вв., а затем, после Смутного времени, приобретают значительный размах и разнообразие и в период правления Алексея Михайловича (1645-1676) достигают своего апогея. Контакты Москвы с греческим миром не ослабевают и в последней четверти XVII в. Греческий народ видел в России надёжный оплот в деле освобождения поработанного Христианского Востока. Эта идея, родившись ещё в начале XVI в., окончательно оформляется на протяжении XVI – первой половины XVII вв.» [Фонкич 2003: 275].

2. Понимание античного

Упомянув о «герметической традиции», мы находим целесообразным снова обратиться к вопросу о терминах: как уже отмечалось, анализ двух основных источников по исследованию вопроса о «либерее» показывает нам различные варианты того, как авторы представляли иностранный фонд библиотеки московского государя; если определение Ф. Ниенштадта представляется нам близким к тому представлению о древних книгах, которое описывает Ф.А. Йейтс, то в списке «анонима Дабелова» фигурируют только представители греческой и латинской литературы, причём именно те, которые признаны «классикой» в наше время – Гай Светоний Транквилл, Тит Ливий, Марк Туллий Цицерон. Подобное признание во многом было обусловлено развитием исторической науки в период с конца XVIII по первую половину XIX в., ознаменовавшийся, с одной стороны, интересом к публикации памятников античности, с другой – небывалой популярностью и количеством подделок:

Как свидетельство поддельности списка Дабелова рассматривалось даже время его обретения – первая четверть XIX в. Это время ознаменовано появлением многочисленных знаменитых фальсификаций. Макферсон в Англии, Ганка, Лимнда и Коварж в Чехии, Сулакадзев и Бардин в России – перечислять можно и дальше... При внешних различиях в «работах» названных мистификаторов, чётко выделяются и общие, присущие им всем черты. Это проявляется в первую очередь в выборе объектов фальсификации – эпические памятники древнейшей истории народа ... В процессе становления национального самосознания, как это было в Чехии, в условиях быстрого роста патриотических настроений, как это было в России, интерес к прошлому своей страны, охватывавший широкие слои общества, способствовал формированию той нравственной атмосферы, того духа «оссианизма», в которых появление подделок вроде «Краледворской рукописи» или «Бояновой песни» было не только возможным, но и неизбежным <...> На этом фоне «список Дабелова» резко выделяется – если это и подделка романтического периода, то подделка совершенно не типичная, не характерная, не стандартная [Амосов 1980: 17-18].

Таким образом, один из главных критериев распознавания подделки – наличие у её автора ясного мотива для её создания – не соблюдается в вопросе об «анониме Дабелова». Тем не менее, такой мотив, пусть неочевидный и кажущийся нетипичным для указанного периода, характеризующегося совсем другим пониманием подделки, удаётся обнаружить В.П. Козлову путём тонкого анализа того, как «аноним Дабелова» мог быть сделан. По В.П. Козлову, его текст обнаруживает влияние двух источников – «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и рассказа о герцоге Федерико Урбинском, входившего в состав жизнеописаний людей XV в. Веспасиана да Бистиччи.

В.П. Козлов отмечает, что

в начале XIX в. наиболее полный, хотя и специально не систематизированный свод известий о библиотеке был помещён в «Истории» Карамзина, её первых девяти томах... Уже в пятом томе своего труда... историограф коснулся Синодальной (Патриаршей) библиотеки, полагая, что в основе её «была митрополитская, заведённая во время господства ханского над Россией и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями греческой словесности». В следующем томе

Карамзин пространно рассказал о женитьбе Ивана на Софье Палеолог и отметил, что после этого «многие греки» «обогатили спасёнными от турецкого варварства книгами московские церковные библиотеки». Седьмой том «Истории» содержал ещё более любопытные, ранее вовсе неизвестные сведения из обнаруженной Карамзиным в библиотеке Троице-Сергиевой лавры «Рукописной повести, или сказания о Максиме иноке Святогорце Ватопедские обители». Василий Ш, писал, основываясь на этом сказании, Карамзин, «в самые первые дни своего правления, осматривая богатства, оставленные ему родителями, увидел множество греческих духовных книг, собранных отчасти древними великими князьями, отчасти привезённых в Москву Софиею и лежавших в пыли без всякого употребления. Он хотел иметь человека, который мог бы рассмотреть оные и лучшие перевести на язык славянский: не нашли в Москве и послали в Константинополь». Рассказав, далее, о приезде Максима Грека, Карамзин продолжал: «Увидев нашу библиотеку, изумлённый Максим сказал в восторге: «Государь, вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасённые моими единоземцами от варваров Магометовых». Наконец, в девятом томе «Истории» читатели познакомились с рассказом дерптского пастора Веттермана из «Хроники» Ниенштадта, изложенным Карамзиным по изданным в середине XVIII в. сочинениям Гадебуша и Арндта. «Царь, – писал Карамзин, – отменно уважал сего добродетельного мужа... и велел ему разобрать свою библиотеку, в коей Веттерман нашёл множество редких книг, привезённых некогда из Рима, вероятно, царевною Софиею». Заметим, что Карамзин достаточно точно передал рассказы Гадебуша и Арндта по «Хронике» Ниенштадта. Гадебуш писал о Веттермане как о бывшем на отличном счету у русского царя, а Арндт добавил, что Веттерман должен был «привести в порядок превосходную царскую библиотеку, которая некогда пришла из Рима и, наверное, более ста лет лежала спрятанной за тремя сводами» [Козлов 1994: 128].

Однако Козлов указывает, что «важнее в данном случае не совпадения «Рукописи профессора Дабелова» с рассказом Карамзина, а расхождения, говорящие, что именно «История» лежала перед глазами автора «Записки анонима», который своё сочинение как бы противопоставил повествованию Карамзина» [там же]. Так, «Карамзин уверял читателей, что собрание древних рукописей имело в России давние традиции. Причём, по Карамзину, эти традиции касались исключительно *греческих* рукописей. Их *привозили* греки, *собирали* великие князья. В «Записке анонима» всё наоборот: всего лишь некий «царь» отчасти *купил*, отчасти *получил* в дар сочинения античных авторов. Знаменательно, что какое-то количество *латинских* рукописей «царю» *досталось* от императора Священной Римской империи» [там же]. Выявление этой структуры текста «записки Анонима» позволяет В.П. Козлову отметить изменение в этом тексте (в первоначальном виде появившегося до окончания выхода томов «Истории...») в соответствии с продолжением труда Карамзина:

Обратим внимание на ряд других моментов. В первом известии о «Записке анонима», приведённом Дабеловым, говорится только о рукописях юридического содержания из библиотеки московского царя. Документ, опубликованным Клоссиусом, содержит перечень не только юридических, но и исторических и литературных сочинений античности, порождая естественные подозрения в доработке, дополнении «Записки анонима» после 1822 г. Ряд включённых в неё сочинений соответствуют тому, что стало о них известно в 1822 г. или позже. Так, в «Рукописи профессора Дабелова» упоминаются «Светониевы истории о царях» и сказано об их переводе немецким пастором. Примечательно, что ещё хронист П. Иовий в своей книге о Московском царстве, изданной в 1600 г., сообщил, что русским известен перевод некой «истории римских императоров». Это было использовано Н.М. Карамзиным в VII томе «Истории государства Российского»: «Мы имели в переводах сочинения св. Амвросия, Августина, Иеронима, Григория, Историю римских императоров (вероятно, Светониеву), Марка Антония и Клеопатры». Далее «Рукопись профессора Дабелова» упоминает «Цицеронову книгу de republica и 8 книг Historiarum» Если о «Historiarum» ничего не известно и поныне, то первое известие появилось в 1822 г., когда были опубликованы найденные фрагменты этого сочинения, а в 1823 г. появился их французский перевод» [там же: 125-126].

Дополнив все эти текстологические параллели анализом хорошо известных «итальянисту» Дабелову произведений Бистиччи и показав, что описанный в них «герцог

урбинский, воин-библиофил, оказался как бы прообразом некоего могущественно московского царя – собирателя древних греческих и латинских авторов [там же: 130], исследователь обнаружил, что, во-первых, «Записка анонима» подчёркивает прокатолические симпатии некоего московского царя и в этом отношении не только развивает соответствующий рассказ Карамзина, но и полемизирует с той его частью, которая указывала на интерес русского общества к греческой духовной культуре» [там же], а во-вторых, представляет появление в Москве большого количества древних и редких книг как одномоментное событие, в рамках которого эти книги становятся единым комплексом, объединённым общим временем и местом, что допускает возможность их исчезновения и, следовательно, возможности их обнаружить. Собственно, второе следствие из организации «записки Анонима» прямо связано с первым, поскольку целью его, по В.П. Козлову, было создание «приманки» для потенциальных исследователей-археографов (в качестве которой Козлов и расценивает список, содержащий конкретные названия произведений, пользовавшихся огромным спросом со стороны филологов и историков именно в период его «обнаружения»), для которых античные произведения, т.е. написанные на древнегреческом или латыни классическими авторами не позже первых веков нашей эры, несомненно, составляли больший интерес, нежели произведения, связанные с греческим христианством, авторы которых могли жить значительно позже периода, подпадающего под классическое определение «античности» и определённо не являлись «классиками» в той же мере, что Цицерон или Тит Ливий. Козлов подчёркивает, что расчёт Дабелова оправдался:

Уже ко времени появления «Записки анонима» в зарубежных учёных кругах сложилось твёрдое убеждение о наличии в хранилищах России ценнейших древних рукописей на греческом и латинском языках. Оно сформировалось прежде всего благодаря трудам профессора Маттеи. Саксонец по происхождению, он в 1772-1784 гг. и в 1804-1811 гг. жил в России, активно занимаясь изучением греческих и латинских рукописей, хранившихся в Синодальной библиотеке. Его классическое многотомное описание греческих рукописей этой библиотеки не потеряло своего научного значения до сих пор. Вышедшее в свет в 1776-1795 гг. в Лейпциге, оно породило среди европейских учёных серьёзные надежды на возможность открытия в библиотеках и архивах России классических раритетов. Здесь упоминались произведения Галена, Гесиода, Плутарха, Пиндара, Софокла, Страбона. Эти надежды разделял и Дабелов. [...] Отметим совпадение во времени появления «Записки анонима» и выхода публикации в Германии, на которую Дабелов написал разгромную рецензию, отмечая её неполноту. Судя по первому известию о «Записке анонима», в ней перечислялись только рукописи исключительно юридического содержания. Иначе говоря, Дабелов подчёркивал, чем могла бы обогатиться вышедшая в Германии книга в случае, если бы её издатели обратились в русские хранилища. «Записка анонима» как бы подтвердила это. Немало значила «рукопись профессора Дабелова» и для Клоссиуса. Воодушевлённый своими архивными находками в Италии, он после приезда в Дерпт обратил внимание на русские хранилища. В 1824 г. Клоссиус установил связь с организатором и главой русских археографов Н.П.Румянцевым, рисуя ему заманчивый план «сделать путешествие по всей России и первым плодом одного издать полное описание состояния всех в России библиотек и хранящихся в них сокровищ, подобно тому, как поступил Блуме в отношении к библиотекам итальянским». В руках Клоссиуса «Рукопись профессора Дабелова» становится чрезвычайно важным документом, призванным заинтриговать уже русское правительство возможностью уникальных находок. В 1825 г. Клоссиус добился своей цели – «высочайшего дозволения» на осмотр русских хранилищ» [там же: 131].

Доказательство подложности «анонима Дабелова» Козлов завершает характеристикой позднейших попыток обнаружить следы её бытования, предпринятых по настоянию И.Я. Стеллецкого В.Н. Осокиным:

Осокин в конце концов внял настойчивому пожеланию Стеллецкого. Побывав в Пятну и Тарту, он заявил, что ему удалось обнаружить «следы» «Записки анонима»: свидетельство о заметке в пярнской газете о состоявшейся в городе в 30-е гг. выставке «древних пярнских актов, а среди них и считавшийся потерянным список библиотеки Ивана Грозного». По словам Осокина, его добрый

знакомый тартуский краевед Пент Нурмекундж взял на себя нелёгкий труд просмотреть в поисках этой заметки весь комплект газеты за 1930-1934 гг. Увы, положительных результатов мы пока не имеем. Да и как им быть, если сам Осокин спустя несколько лет после столь обнадеживающего сообщения уже ни слова не говорил о разысканиях Нурмекунда [там же: 122-123].

Наконец, ещё одним свидетельством в пользу подложности «списка анонима Дабелова» может быть тот факт, что «список» упоминает два сочинения Цицерона, которые, после приведения последнего в пример того, как надо работать в эпистолярном жанре, князем Курбским, вероятно, были бы взяты «к государю», и это нашло бы отражение в Описи царского архива. Во всяком случае, последняя зафиксировала, что «74 [7074 – т.е. в 1566 г. – Н.К.] августа в 7 день взял государь» из ящика 44 записи «про немочь великие княгини Соломонида» [Зимин 1978: 50], причиной чему могли послужить слова «Моавитин, и аманитин, и выблядок до десяти родов во церков божию не входит...» [Филюшкин 2007: 289-291] или же обвинение в преступлениях не только самого Ивана IV, но и его предшественников из второго послания [там же: 311-313]; впрочем, А.А. Зимин объясняет это «урегулированием взаимоотношений с Владимиром Старицким», а Р.Г. Скрынников – работой над духовной грамотой [Зимин 1978: 325]; тем не менее первое послание А.М. Курбского в Архиве хранилось – в ящике 191 [там же: 83].

3. О пасторе Веттермане

Андрей Курбский связан с вопросом о «либерее» и по другой причине: А.А. Амосов указывает, что «Р.Г. Скрынников отождествляет одного из корреспондентов А.М. Курбского (“Ивана Многоучёного”) с И. Веттерманом... Если принять данное предположение и, тем самым, признать факт знакомства (пусть даже и заочного) А.М. Курбского и И. Веттермана, перед нами откроются интересные возможности в объяснении причин допуска пастора к книгам царской библиотеки» [Амосов 1980: 28]. Версию Р.Г. Скрынникова разделяет К.Ю. Ерусалимский, прямо указывающий, что «накануне побега из г. Юрьева Ливонского князь вёл дискуссию с “Иваном Многоучёным” – немецким лютеранским пастором Иоганном Веттерманом, который, согласно хронике Ф. Ниенштедта, получил доступ в библиотеку Ивана Грозного» [Ерусалимский 2015: 224]. Эта версия позволяет Амосову развить аргументацию в пользу создания «анонима Дабелова», связывая происхождение Записки с польским бескоролевьем 1572 г.:

Целое созвездие легенд возникает в 70-х гг. XVI в. в интересующей нас сейчас среде немецких авторов. Таубе и Крузе, Шлихтинг, Штаден, Одеборн, Гофф – их произведения, документальные в основе (написаны по личным впечатлениям, свидетельствам очевидцев, с использованием письменных источников), достоверны по излагаемым в них фактам бытия и легендарны по проводящимся тенденциям... В их освещении Грозный – тиран, самодур, непросвещённый властитель, человек гордый, заносчивый, жестокий, безусловно враждебный западному цивилизованному миру и т.п. Записка Анонима была создана в той же среде, но по отношению к Грозному она являет прямую противоположность. Московский самодержец в ней представлен не просто хранителем огромных культурных богатств, но хранителем просвещённым, желающим ознакомиться с творениями классиков, организующим работы по их переводу [Амосов 1980: 26].

Для Амосова, как мы видим, ключевым моментом в решении вопроса о достоверности свидетельств о библиотеке является наличие мотива у её создателя. Перечисляя различные варианты, исследователь упоминает и такой: «Истории известны и иные [помимо обмана. – Н.К.] мотивы взаимных мистификаций частного характера, облакавшиеся в разного рода шутки. Однако для мистификаций такого рода (от шуточных писем времён Возрождения до потешных учреждений Петра I) является обязательным наличие момента игры, признаваемой всеми участниками, равно как и соблюдение определённых правил, также всем мистифицирующим и мистифицируемым известных. Избрание в качестве объекта

подобной игры библиотеки московских государей представляется по меньшей мере странным, и вряд ли этому можно подыскать какое-то объяснение» [там же: 27-28]; однако в свете «герметизма» Ф.А. Йейтс поиск объяснения применительно к известию хроники Ф. Ниенштедта представляется вполне оправданным, в то время как доказательства фальсификации в «анониме Дабелова» представляются значительно более весомыми, чем интересная гипотеза Амосова.

4. О Максиме Греке

В нашем исследовании необходимо оговорить и значение источников, связанных с Максимом Греком. Его появление в Московском государстве в 1518 г. имеет в историографии два основных объяснения: перевод Толковой псалтыри, связанный с начатой архиепископом Геннадием переводческой деятельностью, и необходимость разбора княжеской библиотеки. «В.С. Иконников, подробно исследовавший жизнь Максима Грека, пришёл к выводу, что всё дело о книжном переводчике было затеяно отнюдь не для разбора великокняжеской библиотеки, а только для перевода Толковой псалтыри, необходимой в борьбе с жидовствующими» [Лихачёв 1894: 21]. На работу В.С. Иконникова ссылается и С.А. Белокуров [Белокуров 1898: 202], приписывая также все упоминания о большом количестве книг литературным штампам поздних житий и, главным образом, тому житию, которое было создано в начале XVIII в. «Семёном Фёдоровым сыном Моховиковым» [там же: 218], и отмечая, таким образом, невозможность использовать житие Максима Грека в качестве источника в вопросе о «либерее».

Н.П. Лихачёв указывал: «Сам Максим Грек в своих многочисленных сочинениях, упоминая о книгах им самим привезённых, рассказывая о трудах книгопечатников Альдов (причём объясняя даже значение принятой ими типографской марки), нигде не повествует о посещении своём великокняжеской библиотеки, нигде не описывает её богатства и состава... В послании к великому князю Василию Ивановичу Максим прямо говорит, что ему вручена была книга для перевода, а не для разбора библиотеки» [Лихачёв 1894: 23-24]. Амосов в связи с тем, что книги Тита Ливия и Цицерона упомянуты в «списке Дабелова», задаётся вопросом, какими греческими книгами Максим Грек пользовался в Московском государстве, поскольку очевидно влияние античных авторов на его сочинения, в то время как предположение о конспектах и выписках кажется неоправданной модернизацией работой «инока», а сообщения источников о том, что Максим Грек ехал на короткий срок и по конкретному делу позволяют усомниться в том, что он «решил обременять себя» тяжёлым багажом [Амосов, Зарубин 1982: 6]. Однако стоит заметить, что Е.Л. Немировский, ссылаясь на два письма Максима Грека, обнаруженных И. Денисовым, указывает, что в одном из них автор жалуется на то, что по приезде в Московское государство у него отобрали привезённые им книги [Немировский 1964: 78]. Впрочем, при более подробном рассмотрении этого вопроса, следует учитывать, что часть привезённых Арсением Сухановым греческих текстов происходила из Ватопедского монастыря [Фонкич 1977: 93-94]. В завершение этого параграфа приведём мнение по вопросу о цели вызова Максима Грека из наиболее авторитетного на настоящий момент исследования вопроса о «российском периоде» жизни ватопедского монаха:

Неизвестно, сколь обширны были замыслы церковной и светской власти по поводу переводческой деятельности Максима Грека. В грамоте Василия от 15 марта 1515 г. Афонскому проту Симеону речь идёт о присылке «переводчика книжново на время»; Анфимий, ватопедский игумен, пишет митрополиту Варлааму, что Василий просил прислать Савву, «аще всхочет потрудиться до Руси неких ради вещей нужных тоя земли». Отсутствуют сведения относительно того, кто выбирал памятники для перевода Максима Грека: сам ли он, митрополит, великий князь, Вассиан Патрикеев, какие-либо другие лица... Мы располагаем только трудами Максима Грека. Они позволяют считать, что его переводческую деятельность можно в известном смысле соотносить с переводческой практикой геннадиевского литературного кружка, с той разницей, что в Новгороде в

конце XV в. осуществлялись переводы с латинского, а Максим переводил с греческого [Синицына 1977: С. 63].

5. Казна и библиотечная культура

Как уже отмечалось, ещё одним важным источником для нас является Опись царского архива, связанная с вопросом о «либерее» как через слово «книги», так и через упомянутого Ниенштедтом печатника И.М. Висковатого, руководившего вскрытием «сводчатых подвалов». По словам А.А. Зимина, «... есть данные говорить, что в начале XVI в. печатник имел какое-то отношение к архиву, но их недостаточно, чтобы определить точно, в чём это отношение выражалось» [Зимин 1978: 252]. Именно подобная расплывчатость, отсутствие чётких и конкретных функций, закреплённых за конкретным дьяком или конкретным приказом позволяет нам отвергнуть версию С.А. Белокурова, опирающуюся на предположении о сугубо «ведомственном» характере архива, связанного, таким образом, исключительно с деятельностью Посольского приказа, однако противоречащую современному представлению исторической науки об организации делопроизводства в средние века, предполагавшего, в частности, совмещения совершенно различных функций в рамках одного института и исполнение разными институтами одной и той же функции. Так, «помимо Висковатого, А. Васильева, братьев Щелкаловых, в третьей четверти XVI в. к Царскому архиву имели отношение и другие правительственные деятели – казначеи и думные люди, особенно те, служба которых была связана с организацией внешних сношений государства [...] Очень вероятно обращение к документам Царского архива разрядных дьяков, составлявших книги “свадебных чинов”, “служебные книги” разного рода, участвовавших в рассмотрении думскими комиссиями местнических споров. Несомненна прикосновенность к “делам” Царского архива тех, кто подбирал материал для официальных летописей и составлял их» [Шмидт 1984: 164]. Помимо отнесения архива к Посольскому приказу, возможна и другая интерпретация, опирающаяся на слово «казна», вопросу о которой С.О. Шмидт посвящает целую главу [указ. соч.: 83-90]: «Казной называли место хранения посольских и иных документов и в конце XV – начале XVI в., и в середине XVI и во второй половине XVI в., и в XVII в. [...] Казной называл Царский архив и Иван IV [...] Наименование Царского архива казной вовсе не означает, однако, что Царский архив являлся архивом Казённого приказа, тоже называвшегося в те годы казной» [там же: 84]; таким образом, исследователь констатирует: «... следует считать установленным, что Царский архив имел сношения с такими правительственными учреждениями, как Казённый двор, Разрядный приказ, Поместный приказ, Посольский приказ, Челобитный приказ, Казанский дворец и другие дворцовые приказы, Митрополичья казна, а также дьячьи избы городов» [там же: 78]. По этой причине «Царский архив можно рассматривать и как одно из сокровищ короны (хранение государственных сокровищ было в ведении лиц, причастных к деятельности казначеев, Казны), и как составную часть государственной канцелярии, непосредственно связанной уже в середине XVI в. с деятельностью Боярской думы и думных дьяков» [там же: 152].

Исходя из подобного разнообразия ведомств, причастных к образованию и использованию Архива, С.О. Шмидт предлагает свою версию его «ведомственной принадлежности»: «В Описи, как уже отмечалось, имеются данные о взаимоотношениях Царского архива и архивов других учреждений. Это – указания не только на различные места хранения документов, но, можно полагать, и на разные архивы, образовавшиеся на основе документов разных фондообразователей. Среди учреждений, в которые передавали документы Царского архива и откуда поступали документы в царский архив, не названо, однако, учреждение, игравшее главенствующую роль в системе государственного управления – Боярская дума. Думается, что это не случайно, ибо Боярская дума и была тем

учреждением, которое следует, употребляя современную архивоведческую терминологию, признать одним из основных фондообразователей Царского архива» [там же: 90].

А.А. Зимин не соглашается с этим мнением:

С.О. Шмидт пришёл к Государственный архив России выводу, что государственный архив России XVI в. не был архивом Посольского приказа. По его мнению, он находился в ведении Боярской думы. Автор основывает этот вывод на том, что другие центральные учреждения (казна, Посольский приказ и др.) не могли быть местом хранения архива (ибо из них присылались туда документы в эти учреждения направлялись материалы из архива), добавляя к этому общие соображения о характере деятельности Боярской думы. Однако прямых данных о боярской думе, как учреждении, при котором находился государственный архив, у автора нет [Зимин 1978: 14].

– и утверждает, что:

...можно попытаться определить то учреждение, при котором находился Государственный архив в первой половине XVI в. А.Н. Ясинский ограничился в своё время констатацией факта, что архив находился «в заведовании печатника Ивана Михайловича Висковатого». С.А. Белокуров уже прямо говорил о Посольском приказе как месте, где этот архив хранился. Н.П. Лихачёв уклонился от решения этого сложного вопроса. А.И. Соболевский и С.О. Шмидт показали, что Посольский приказ не мог быть местом средоточия архива. В свою очередь сам С.О. Шмидт методом исключения пришёл к выводу, что архив не мог нигде находиться, кроме как при Боярской думе. Однако он не смог привести ни одного прямого подтверждения своей гипотезы. Поэтому мнение В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова о том, что Дума не имела своего особого архива и канцелярии, остаётся в силе. То, что отдельные дьяки, причастные к деятельности Боярской думы, имели несомненное отношение к делопроизводству, вполне объясняется тем обстоятельством, что они одновременно возглавляли другие ведомства... [там же: 308-309].

Для нашего исследования, однако, важно замечание Зимина о том, что «материалами государственного архива пользовался ряд ведомств. Поэтому для восстановления их содержания необходимо использовать источники, генетически связанные с государевым двором» [там же: 30]; именно такое тесное взаимодействие позволило С.О. Шмидту утверждать, что «изучение состава Царского архива и рассмотрение деятельности Боярской думы в третьей четверти XVI в. позволяют... полагать, что Боярская дума была тогда одним из основных фондообразователей царского архива. Именно в Царском архиве оказались сосредоточенными документы разнообразного содержания, отражающие многостороннюю деятельность Боярской думы в целом и её комиссий в области внутренней и внешней политики. Многообразием вопросов, разбиравшихся в те годы Боярской думой, объясняется и многообразие “дел” Царского архива, сочетание в одном архиве документов внутренней и внешней политики, “дел” общегосударственной важности и “дел” частного характера» [Шмидт 1984: 112].

Такое определение «фондообразователя» важно для вопроса о «либерее» потому, что снова возвращает нас к исследованию терминологии; в данном случае последняя может рассматриваться в рамках понятия «библиотечная культура»: раскрывая значение этого выражения, М.И. Слуховский отмечает в том числе способ хранения книг – «стоя» (в стеллаже, на полке) или «лёжа» (в сундуке, «ящике» – основной «единице хранения» Описи [Слуховский 1964: 9])¹. Подобный вопрос о понимании «книги» мы можем отметить ещё в дискуссии, развернувшейся вокруг доклада Н.П. Лихачёва: действительно, если книги Описи и являются книгами в нашем понимании, а не переплетённой делопроизводственной документацией, определение их статуса и места может быть совершенно различно: они

¹ Ср. терминологический разбор А.А. Зиминим пометы «Положить в сундук. Записано»: «Выражение «записано», – замечает А.А. Зимин, – имеет в виду, очевидно, запись в Опись Государственного архива, а «сундук» – его ящик» [Зимин 1878: 29-30].

могут быть подношением царю («Поскольку рукописи поступали и в виде подношений, пополнение личной библиотеки царя не было результатом избирательной деятельности лишь самого Ивана» [Шмидт 1984: 134]), приданным (то есть представлять чисто имущественную, материальную ценность), могут быть необходимы для религиозных или дипломатических нужд (и здесь, учитывая, что мы имеем со средневековым пониманием этих двух категорий, возникает сложность как отделения одной от другой, так и прерогатив государя от прерогатив митрополита). Сложность подобных дефиниций в контексте средневековой культуры – в том, что, несмотря на разнообразие упомянутого Описью имущества, представление о систематизации не было чуждо её составителю. Так, описание ящика 26 содержит помету «рознь» [Зимин 1978: 41], т.е. кажущаяся хаотичность, вероятнее всего, означает, что мы не видим систематизации, а не то, что её в Описи нет.

Гипотеза о Боярской думе в качестве «фондообразователя» представляется нам важной попыткой обнаружения подобной логики, тем более важной для вопроса о «либерее», что «... Боярская дума не имела самостоятельной, раздельной от государя компетенции» [Шмидт 1984: 94]. Действительно, помимо уже отмеченных функций книги, последняя играла огромную роль и в личном обиходе государя, которым ведала Постельная казна, чью роль применительно к книгам С.О. Шмидт описывает так:

Постельная казна, как отметил Н.П. Лихачёв, содержала «в себе между прочим и личную библиотеку царя». Определить состав книжного собрания Ивана Грозного не просто. Ещё труднее вычлнить состав его личной библиотеки. Вероятно, допустимо говорить о двух библиотеках, или о двух (точнее сказать, даже трёх) разделах царского книжного фонда. Это античные рукописи (малодоступные или вовсе не доступные тогда) и современный фонд, к которому обращался царь и который был доступен, видимо, и его приближённым» [там же: 132].

Впрочем, здесь снова необходима оговорка:

Царский архив по принятой в XVI в. терминологии называли «казной» или «государской» («царской») казной, в отличие от «государевой казны» («казны у государя»), обозначавшей чаще всего личную Постельную казну государя. (Впрочем, в употреблении этих терминов во второй половине XVI в. не было строгости: под государственной иногда подразумевали и личную казну государя, а под государевой – государственную казну) [там же: 83].

Следует, впрочем, понимать, что необходимость всех этих многочисленных оговорок прямо основывается на источнике, поскольку «в тексте Описи слова “казна” употребляется и в значении хранилища документов государя: “у государя в казне”» [там же: 85]; однако «характерно, что в сочинениях Пересветова, Курбского, в посольских книгах читаем не об одной “казне”, а о “казнах” царя Ивана IV» [там же: 12].

Таким образом, сложная структура хранения, отражённая в Описи государственного архива, позволяет нам предположить, что за расплывчатой формулировкой «книга», встречающейся в Описи очень часто, вполне могут скрываться интересующие нас греческие, латинские и еврейские книги Ф. Ниенштедта. С.О. Шмидт высказывает предположение о том, что могла представлять собой эта структура: «Можно полагать, по аналогии с патриаршей библиотекой, где наряду с патриаршей домовою казною существовала патриаршая келейная казна² ... , что у царя также имелась и личная, как бы подручная библиотека» [там же: 11]. О нечёткости терминологии и возможности обнаружения книги за понятием, кажущимся с ней никак не связанным, говорят и так называемые «чёрные списки» Ивана Пересветова из ящика 143, под которыми, по мнению Зимина, могут скрываться непосредственно тексты произведений публициста: «подобные материалы Архиву известны:

² С.П. Луппов предлагает более сложную, трёхчастную схему, см.: [Луппов 1970] – Н. К.

в ящике 191 хранилось Первое послание Курбского Грозному (у обоих произведений одна судьба: они проникли в рукописную литературу только после того, как материалы Государственного архива стали доступными, т.е. после “Смуты”...)» [Зимин 1978: 337].

6. Когда книги стали «мёртвыми»?

Отметив, что для исследователя книжности «либерия» важна не как «мёртвые», а как «живые» книги, о существовании которых знали, к которым обращались, которые читали (при знании языка), и переводили, необходимо рассмотреть вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах эти книги стали «мёртвыми»?

По Н.П. Лихачёву, «... гибель в пожар 1547 или 1571 годов – вот наиболее вероятная судьба той “книгохранильницы”, откуда даны были греческие рукописи Максиму Греку. В эпоху патриархов Филарета и Никона от этих рукописей не осталось и следа» [Лихачёв 1894: 84]. Слова Н.П. Лихачёва также указывают на XVII в. как время окончательной утраты «либерии». Он ссылается на безуспешные разыскания книг в 1600 г., которые предприняли «Пётр Аркудий, посланный кардиналом Сан-Джорджо, и Лев Сапега, написавший письмо папскому нунцию Клавдию Рангони» [там же: 21].

Однако С.О. Шмидт приводит свидетельства, позволяющие усомниться в такой датировке:

В XVII в., как выясняется, сведения о библиотеке русских царей имелись у... голландца Никласа Витсена, участника посольства в Москву в 1664 г. ... Сохранилась его дневниковая запись о том, как он спрашивал в Москве у приставов посольства «о библиотеке царя. Говорят определённо, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты». «Только одни наши братья имеют туда доступ» – ответили ему. Обращает внимание указание на то, что осведомители Витсена сообщили ему («говорят определённо») и о собрании древних рукописей, причём именно древнегреческих, и о тех документальных материалах (летописи и карты), которые хранились в Государственном архиве (цит. по: [Амосов, Зарубин 1982: 21]).

Другим важным источником служит послание Паисия Лигарида Алексею Михайловичу. Сошлёмся на М.И. Слуховского:

В течение всего пребывания в России Лигарид добивался проникновения в местные библиотеки. Он направил Алексею Михайловичу в связи с основной целью своего приезда письмо на латинском языке, где между прочим пометил в конце прибавление лично от себя. В этом прибавлении он просил о допуске в не названную точно библиотеку. Любопытна аргументация Лигарида: «Вертоград сад [...], заключённый от алкающих, и источник, запечатанный от жаждущих, – писал он, – по справедливости почитаются несуществующими. Я говорю сие к тому, что давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг; почему нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для рассмотрения и чтения греческих и латинских сочинений [Слуховский 1964: 69-70].

Таким образом, С.О. Шмидт использует как доказательство тождественности иностранного фонда библиотеки Ивана IV собранию греческих и латинских рукописей в Московском государстве XVII в. «...письменную просьбу учёного грека, Газского митрополита Паисия Лигарида (от 7 июня 1663 г.) к царю Алексею Михайловичу допустить его к занятиям греческими и латинскими рукописями, под которыми надо подразумевать не

греческие рукописи, привезённые незадолго до этого Арсением Сухановым с Востока, как то обычно полагают, а старое собрание иноязычных книг царской библиотеки, о которой Паисий должен был слышать в свою бытность в Риме» [Амосов, Зарубин 1982: 21]. Однако, по мнению Б.Л. Фонкича,

...появление в Москве первого большого собрания греческих рукописей относится к середине XVII в. и связано с именем Арсения Суханова. В 1653-1655 гг. он совершил поездку на Афоне, откуда вывез почти 500 греческих манускриптов и печатных книг (498, по подсчётам С.А. Белокурова. – Н.К.). Эта поездка была организована по инициативе патриарха Никона с согласия и при поддержке царя Алексея Михайловича. Задуманная Никоном книжная реформа предполагала издание русских богослужебных книг на основе исправления уже имевшихся при осуществлении новых их переводов главным образом по древним греческим рукописям. Между тем в России к середине в. Греческие рукописи насчитывались единицами; к тому же они были рассредоточены по различным городам и монастырям, и сведения о некоторых из них, возможно, отсутствовали у московских справщиков Печатного двора» [Фонкич 1977: 68].

Противоречие между тем, что Лигарид обращался к царю, и тем, что привезённые книги, нужные для исправления церковных текстов, должны были бы находиться в ведении патриарха, а не царя, находит объяснение: «По-видимому, Лигарид имел в виду библиотеку Патриаршую. Быть может, он умышленно обратился к царю, чтобы избежать переговоров с истинным владельцем библиотеки, патриархом Никоном, с которым отношения у него были враждебные. Быть может также, он не мог обращаться иначе, поскольку после удаления в 1658 г. Никона доступ к книгам патриаршей библиотеки на патриаршем дворе... зависел от царя:... хранилища тогда находились за печатью светских должностных лиц» [Слуховский 1964: 69-70]. Более того, сама поездка Арсения Суханова на Афон представляется свидетельством в пользу того, что в самом Московском государстве богатого книжного собрания не оказалось. В данном случае мы имеем прямой источник: список из 27 книг – «составленная в январе 1653 г. по указанию патриарха Никона Опись книг степенных монастырей, предназначавшаяся для того, “чтобы было ведомо, где которые книги взятии, книг печатново дела исправления ради”» [Фонкич 1977: 70]; опись эта зафиксировала наличие четырёх греческих рукописей в Кирилло-Белозерском монастыре. К тому же

следует подчеркнуть, что поездка Арсения Суханова на Афон не была официальной. Он имел при себе грамоты к афонскому проту, святогорским монастырям и константинопольскому патриарху, но не имел писем к турецкому султану или чиновникам Порты, ведавшим Афоном, где бы излагалась цель его поездки на Св. Гору. Можно было бы думать, что такие документы существовали и просто не дошли до нашего времени (даже в копиях или в виде упоминаний в бумагах Посольского приказа), но это предположение было бы неверным: имея Суханов грамоты русского царя или патриарха султану или турецким чиновникам с просьбой о продаже греческих книг, он вёз бы с собой в Константинополь различные подарки, упоминание о которых обязательно нашло бы место в достаточно хорошо сохранившихся «Греческих делах» ЦГАДА 50-х годов XVII в. [Фонкич 1977: 71].

Факт неофициальности поездки красноречиво указывает на то, что вызвана она была практически полным отсутствием необходимых книг, выявленным после серьёзной ревизии.

Таким образом, мы можем констатировать, что у нас нет ни одного источника, убедительно свидетельствующего бы в пользу существования «либерей» в XVII в. в качестве «живых» книг, то есть что к этому времени они уже были «мёртвыми», вероятнее всего, сгорели в пожаре 1571 или 1626 г. Отметим, однако, версию о том, что в 1730-е гг. звонарь Конон Осипов (сведения о нём были впервые обнаружены М.Г. Деммини [Лихачёв

1894: 10) пытался искать на территории Кремля некие «сундуки», о которых ему сообщил некто Макарьев, ранее по указанию Софьи Алексеевны искавший в Кремле потайные ходы, наткнувшийся на них, но не решившийся их открыть (см. красочное описание этого события у И.Я. Стеллецкого). Наше отношение к этому факту определяется не столько вопиющим недостатком доказательств его связи с вопросом о «либерее», сколько тем, что даже при допущении самых фантастических версий о содержании «сундуков» (если в принципе допустить факт их существования, учитывая, что Осипову ничего не удалось обнаружить, в то время как его огромная денежная задолженность представляется вполне достаточным обоснованием для выдумки о существовании сундуков с потенциально ценным содержимым, поиски которых он мог бы осуществить), книги в «сундуках», о существовании которых никто не знает и не помнит, как уже было сказано выше, не представляют интереса для нашего исследования.

7. Источники XVII в.

Применительно к вопросу о «либерее» обращение к событиям XVII в. важно нам и по другой причине:

На одну из греческих рукописей... – уникальный список гомеровских гимнов – учёные обратили внимание ещё в последней четверти XVIII в. Спустя сто лет после этого кодекс вновь стал объектом исследования: теперь специалистов интересовал не текст рукописи, а её судьба. Э. Тремер предположил, что рукопись составляла когда-то часть «книжных сокровищ царя Иоанна Грозного», разыскивать которые немецкий учёный приехал в Россию в 1890 г. В возникшей на протяжении последнего десятилетия в обширной литературе, посвящённой библиотеке московских государей в., не раз обсуждался вопрос о происхождении знаменитой рукописи Гомера [Фонкич 1977: 190].

Э. Тремер узнал о ней из описания деятельности профессора Х.Ф. Маттеи, работавшего с рукописями в московских архивах и выкравшего оттуда некоторые из них [там же: 94, 152]. В иллюстративном материале к книге С.А. Белокурова представлена помета типографской библиотеки, закрашенная выполненной Х.Ф. Маттеи своеобразной заставкой. Маттеи повредил в том числе и книгу, имеющую в описи «№ 1288 в., вторая половина XVII в. (до 27 мая 1686 г.)». Основное место в книге занимает «Илиада» [Фонкич 1977: 195]. Происхождение того книжного собрания, к которому относился похищенный Маттеи лист с фрагментом «Илиады», по мнению Фонкича, связано с именем иеромонаха Дионисия, проведшего часть жизни в Московском государстве и умершего в Нежине в 1689 г.:

...тесные связи иеромонаха Дионисия с Досифеем и Хрисанфом, выдающимися деятелями в истории позднегреческой культуры, несомненны [там же: 196];

Иеромонах Дионисий был, несомненно, известен в Москве. Его должны были знать Лихуды, учившиеся в Венеции у Герасима Влаха, а затем – в Падуанском университете, по-видимому, в одно время с Дионисием. В начале 1685 г. Иоаникий и Софроний по пути в Москву остановились в Нежине, и здесь завязали знакомство с представителями местной греческой общины, которые могли впоследствии информировать Лихудов о библиотеке Дионисия [там же: 204];

...о нежинской греческой библиотеке в Москве узнали в конце 1689 г. Славяно-греко-латинская академия существовала тогда лишь два года и испытывала, судя по всему, большую нужду

в учебниках... Мы думаем, что Софроний Лихуд... или Тимофей (бывший с 1689 г. справщиком на Печатном дворе), узнав об оставленной Дионисием в Нежине библиотеке, могли ходатайствовать перед царями о пересылке этих книг в Москву [там же];

По-видимому, в конце 1689 г. В Москве стало известно о том, что в Нежине находится коллекция греческих книг, оставленная там «Македонские земли Николаевского монастыря» архимандритом Дионисием. Последовал указ царей Ивана и Петра о пересылке этих книг в столицу, и в начале марта 1690 г. они были доставлены в Москву вместе с их переписью и сопроводительными документами [там же: 189].

К XVII в. относится ещё один источник, впервые опубликованный Белокуровым, однако использованный в вопросе о «либерее» не им, а Амосовым. Фонкич, вторично опубликовавший её в 1977 г. из-за ряда неточностей публикации 1891 г., так пересказывает её содержание: «митрополит халкидонский Гавриил приобрёл у хранителей библиотеки византийских императоров, находящейся в султанском дворце, рукописную Псалтырь, которая принадлежала Алексею Комнину, и посылает её... в дар царю Алексею Михайловичу. Просьба патриарха Паисия к Никону оказать содействие и вознаградить митрополита Гавриила за его дары» [там же: 218].

По словам А.А. Амосова,

Б.Л. Фонкич публикует грамоты, из текста которых следует, что в середине XVII в. в Серальской библиотеке в Стамбуле не только сохранялись, но будто бы были даже систематизированы книги собраний византийских базилиевсов. Показания её автор считает убедительным аргументом против гипотезы привоза греческих рукописей царевной Софьей, высказывая при этом удивление, что данный документ, опубликованный впервые ещё в 1891 году самим же Белокуровым, не был использован в полемике относительно иностранных книжных фондов в библиотеке русских царей. ... Полагаем, что обстоятельный разбор показаний грамоты, опубликованной Б.Л. Фонкичем, не требуется, так как, вопреки мнению автора, текст её говорит сам за себя и отнюдь не является весомым аргументом в поддержку позиции С.А. Белокурова [...] Не потому ли показания грамоты 1654 г. не использовал её первооткрыватель С.А. Белокуров? [Амосов, Зарубин 1982: 73]

Однако позиция Амосова не представляется нам достаточно аргументированной: грамота патриарха Паисия содержит информацию о библиотеке византийского базилиевса, существование которой не ставится под сомнение, прямо указывая на судьбу этой библиотеки после 1453 г., опровергая версию о её перевозе в Москву и ясно сообщая, что книжное собрание осталось в Константинополе-Стамбуле. Поэтому заключение Фонкича кажется нам вполне справедливым:

...в 1654 г. в Москву была привезена греческая иллюминированная Псалтырь с записью писца о времени её написания в царствование Алексея Комнина и, по-видимому, наклейкой на переплёте с пометой (XVI в., как это следует из текста документа) о принадлежности книги указанному базилиевсу. Подобная рукопись в советских древнехранилищах нам неизвестна. Грамота сообщает чрезвычайно интересные сведения о библиотеке византийских императоров спустя два столетия после падения Константинополя: библиотека не только не погибла в 1453 г., но тщательно хранится турками; книги каждого императора снабжены надписями с именами их прежних владельцев. Речь идёт, вероятно, о тех рукописях, которые попали к Мехмеду после взятия им византийской столицы и хранились, наряду с другими рукописными и печатными книгами, в библиотеке Серая. В специальной литературе, посвящённой исследованию библиотеки московских государей в XVI в., не раз высказывалось предположение о переходе книжных сокровищ византийских императоров из Константинополя через Италию в Россию во второй половине XV в. Передача рукописного

наследства византийских правителей была осуществлена, по мнению исследователей, Софьей Палеолог. Несостоятельность этой гипотезы едва ли нужно доказывать лишней раз. Теперь к уже имеющимся аргументам противников такого предположения нужно присоединить сведения грамоты патриарха Паисия 1654 г. [Фонкич 1977: 223-224].

Главное значение этого заключения для вопроса о «либерее» нам видится в том, что оно опровергает версию об иностранном фонде как о едином комплексе, который именно благодаря подобной обособленности мог, во-первых, не отразиться в письменных источниках, главным образом в Описи царского архива, во-вторых, быть сохранённым, в отличие от прочих книг, уничтожаемых пожарами («когда царских хором верх горел»)³, в недоступном для огня подвальном помещении, на представлении о котором держится гипотеза о «мёртвых» книгах и о необходимости их поиска спелеологическими методами, сводящаяся к таким курьёзам, как, например: «И.Я. Стеллецкий не сомневался в наличии у московских государей большой библиотеки греческих и латинских рукописей, привезённых Софьей Палеолог, и утверждал даже, что именно для обеспечения их сохранности (?! – А.А.) Иван III и затеял строительство Кремля» [Амосов, Зарубин 1982: 72].

На подобное различие между «кладом» и постепенным процессом накопления в царской библиотеке греческих рукописей указывает в уже приводившихся текстах В.П. Козлов, подчёркивая, что «Карамзин уверял читателей, что собирание древних рукописей имело в России давние традиции. Причём, по Карамзину, эти традиции касались исключительно *греческих* рукописей. Их *привозили* греки, *собирали* великие князья. В “Записке анонима” всё наоборот: всего лишь некий “царь” отчасти *купил*, отчасти *получил* в дар сочинения античных авторов» [Козлов 1994: 128], – что убедительно доказывает как поддельность «анонима Дабелова», так и цель, с которой он был создан, т.е. инициацию археографических поисков.

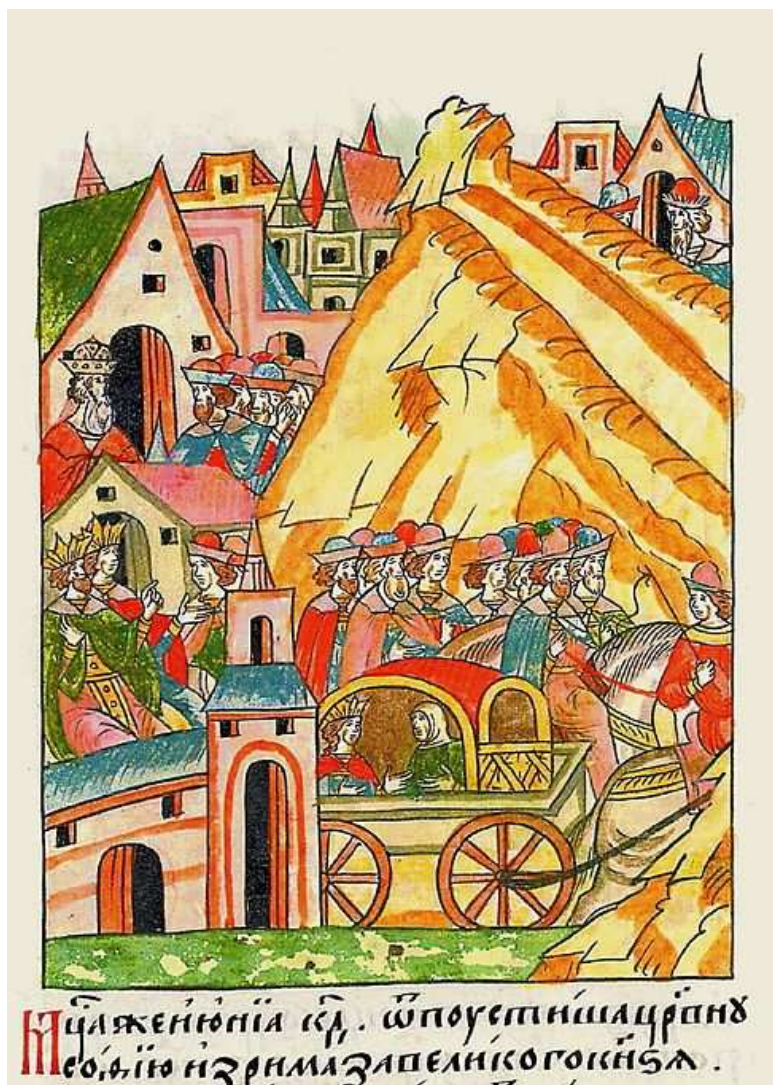
Заметим, наконец, что версия о библиотеке, привезённой в качестве приданого, опровергается отсутствием о ней сведений в Описи царского архива, поскольку «документы Царского архива... использовали... при подготовке свадеб государей и их родственников» [Шмидт 1984: 53], а роль «истории свадеб» как подтверждения статуса, династических связей, для такой подготовки трудно переоценить. Так, «готовясь к свадьбе, познакомились со «свадебными делами» прежних лет, с «чином» организации этих свадеб [там же: 16], хотя возможны и дальнейшие изыскания по поводу местонахождения записи о свадьбе Софьи, поскольку в царском архиве свадебные книги были объединены вместе в особом ящике. Из более подробного описания (черновика описи архива Посольского приказа) 1626 г. узнаём, что тогда вместе сосредоточили все свадебные дела, начиная со второй свадьбы Василия III и кончая свадьбой Михаила Романова [там же]. Этот факт значим для нас, поскольку очевидна роль «либерей» как приданого, связанного к тому же по своему содержанию с сакрализацией власти через обладание священными книгами, в контексте династических вопросов. Более того, «династичность» как основа политической культуры связывает «либерей» и с решениями внешнеполитических вопросов, учитывая, что «посольский приказ, быть может, в большей степени, чем другие приказы, был связан с делопроизводством Боярской думы и фактически являлся её отделением по вопросам внешних сношений, а канцелярия Посольского приказа была, по существу, отделением канцелярии Боярской думы. И в этом отношении Царский архив можно считать в какой-то мере и архивом Посольского приказа» [там же: 112].

³ Личная библиотека царя, как полагал Н.П. Лихачёв, помещалась в верхнем этаже «постельных хором» дворца и входила в состав постельной казны государя [Лихачёв 1894: 12].

Въезд Софьи Палеолог в
Москву.

Миниатюра Лицевого
летописного свода (1570-е гг.)

Источник:
<https://commons.wikimedia.org>

Ицаженіиїа кр. ѿпоустиша црѣнь
себѣ и зрима запелікогоя кнѣзѣ.

Таким образом, значительность «либерей» как «единицы хранения» делает крайне сомнительной возможность её «невостробованности» – единственном основании игнорировать отсутствие упоминаний о ней в описи. Эта сомнительность подкрепляется характером аргументации главного идеолога теории «либерей» как приданого Софьи Палеолог – Стеллецкого. Вот как описано у него прибытие Константина Палеолога в Рим с большой поклажей:

...все повозки, гружённые ящиками. А что в них – никто не знал (Пирлинг выудил этот драгоценный факт из венецианских и флорентийских архивов) <...> Очевидцы полагали, что сундуки с царским добром [...] А на самом деле (здесь и далее курсив мой. – Н.К.) это были ящики с драгоценным грузом: с книгами и рукописями византийской царской и патриаршей библиотеки! Если положим ориентировочно на подводу четыре ящика, а в ящике минимум десять книжных единиц, получим в среднем огромную библиотеку в 2800 греческих и иных книг и рукописей [Стеллецкий 1993: 46].

Заключение

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что главной задачей нашего исследования был разрыв связи между вопросом существования «либерей» и вопросом её

сохранности до наших дней в каком-либо подземном тайнике. Версии о возможности извлечения из-под земли ценнейшего собрания рукописей представляются нам не имеющими как достаточной доказательной базы, так и прямого отношения к исследованиям в области книжности и книжной культуры, для которых значение имеют «живые», а не «мёртвые» книги. Необходимость разделения двух указанных постановок вопроса кажется нам особенно актуальной сейчас в связи с появлением за последнее время ряда серьёзных исследований, позволяющих пересмотреть традиционное представление о развитии культурных контактов между Московским государством и государствами Западной Европы в первой половине XVI в. В этом контексте «либерея» как «иностранный фонд библиотеки Ивана IV» позволяет ставить вопрос о возможности влияния на русские и европейские литературные произведения более или менее общего комплекса текстов и дискурсов. В связи с этим хотя выводы А.Х. Горфункеля о существовании библиотеки только в воображении ренессансных интеллектуалов представляются нам очень значимыми и во многом разделяются в настоящей работе, сам факт культурного контакта между ренессансным и московским контекстами отчасти противоречит этому выводу, показывая возможность интеллектуальных и литературных связей ренессансных учёных и московитов. В связи с этим, хотя безусловен тот факт, что

...античная книжность не была необходимым источником для русской культуры XVI столетия, опиравшейся не на возрождение классической древности, а на иное культурное наследие. Роль в ней античных реминисценций была фрагментарной и, главное, подчиненной, это были элементы, включенные в структуру православной духовной традиции. Античное наследие начинает играть существенную роль в развитии русской культуры значительно позднее, в ходе приобщения ее к основанной на классическом образовании культуре новоевропейской, главным образом в результате петровских преобразований [Горфункель 1993: 247],

– мы не должны исключать возможность исторических «казусов», возникающую в ситуации культурных контактов, признаком и следствием которых несомненно должна быть признана «либерея». Поэтому нам так важно заключение, к которому приходит большинство исследователей вопроса о либерее: «Наличие еврейских книг в царской библиотеке не только допустимо, но и вполне вероятно. Произведения древней и отчасти средневековой еврейской письменности в переводах (а в среде еретиков и “жидовствующих” возможно и в оригиналах?) бытовали у древнерусских книжников» [Амосов, Зарубин 1982: 77], – а также Н.П. Лихачёва о том, что «при сопоставлении с документальными данными блекнет достоверность любопытных подробностей сказания и остаётся неоспоримым только тот факт, что у великого князя Василия Ивановича в его имуществе были между прочим греческие рукописи» [Лихачёв 1894: 24]. Однако этот факт кажется вполне самоценным для исследователя, если только им не движут интересы «кладоискательства. Наиболее вероятной судьбой «либерей» мы, вслед за Н.П. Лихачёвым, считаем гибель от огня ещё до конца XVI в., поскольку убедительных доказательств того, что «либерея» представляла собой единый комплекс, который по каким-либо причинам должен был быть укрыт в подземном помещении, не имеется, в то время как вопрос «литературной игры» и отголоска «герметических» мотивов в виде интереса к старинным и связанным с «тайнами бытия» книгам, применительно к упоминанию сводчатых подвалов Ф. Ниенштедтом, представляется нам достойным дальнейшего исследования. Таким образом, отвергнув версию о подземном «особом фонде» и отметив нечёткость и размытость терминологии в русском языке XVI в., мы приходим к тому, что нет свидетельств, заставляющих нас с недоверием относиться к значительному количеству источников, позволяющих если не констатировать, то делать объектами серьёзных исследований пересечения в книжной культуре Московской Руси и государств Западной Европы первой половины XVI в. Наш анализ вопроса о «либерее» может быть подытожен большой цитатой из Зимина, в которой исследователь, не так много внимания уделивший вопросу о греческих, латинских и еврейских книгах, опирается на

знаменитый ящик 134/2, так называемую «коробью ноугоротцкую»:

В коробье... находились латинские книги. Если считать, что они поступили из Новгорода (судя по тому, что были в новгородской коробье), их можно связать с деятельностью в конце XV – начале XVI в. кружка переводчиков с латинского языка при дворе архиепископа Геннадия. Во всяком случае остаток новгородского архива поступил в Москву именно в 30-е г. В. (ящики 2, 93, 97, а также 151 и, вероятно, 171). Один из сподвижников Геннадия – Дмитрий Герасимов в годы правления Василия принимал самое активное участие во внешнеполитических акциях правительства, а также продолжал заниматься переводами с латинского языка. Аналогичной переводческой деятельностью занимался в 20-е – 30-е гг. XVI в. Врач, астролог и публицист Николай Булев. Возможно, «латинскими книгами» в Москве и заинтересовались в связи с переводами при Василии III. Позднее в 1557-1558 г. По распоряжению Грозного был сделан список с Геннадиевской библии. Н.П. Лихачёв допускает несколько возможностей для объяснения «латинских книг» ящика (реляции о военных действиях, производившиеся послами, книги о России иностранцев, инкунабулы печатника Бартоломея Готана). Он же поставил в связь этот ящиком с проблемой библиотеки московских государей, считая, что книги Ивана IV хранились в государственном архиве («казне»). «Книги» с Синайской горы упоминаются также в ящике 31. По словам пастора Веттермана, переданным хронистом Ниенштедтом, летом 1570 г. Иван Грозный показывал пленным ливонцам в присутствии дьяка А. Щелкалова, печатника И. Висковатого и казначея Н. Фуникова уникальное собрание древних книг. Двое из них имели самое непосредственное отношение к Государственному архиву. С.А. Белокуров писал, что ссылаться на возможность нахождения латинских рукописей в библиотеке «положительно нельзя». Материалы ящика 134/2 это мнение опровергают. К тому же около 1531 г. в казне находилось и греческое житие богородицы «Метафрастово творение» («ныне то житие и правила у великого князя в казне»). Взято оно было переводчиком М. Медоварцевым у Юшки Елизарова [Зимин 1978: 294-296].

В заключение приведём свой собственный список состава «либерей», основанной на реконструкциях Н.Н. Зарубина и А.А. Зимина.

Помимо уже упомянутых нами греческих и латинских книг, Зарубин приводит пункт «Сербские книги»: «были поднесены вместе с “Деяниями Флорентийского собора” и другими книгами Грозному Антонию Поссевином в 1581-1582 гг.» [Амосов, Зарубин 1982: 51]; «Две книги с неизвестными названиями, присланные Грозному вместе с Библией датским королём Христианом в 1552 г.» [там же: 58]; впрочем, важен здесь и комментарий Амосова: «В литературе передача книг обычно связывалась с посольством Ганса Миссенгейма. Однако Е.Л. Немировский, опираясь на новое исследование источников, полагает, что посольство Г. Миссенгейма не состоялось и всё дело ограничилось лишь перепиской Ивана IV и Христиана III» [там же: 70]; Амосов ссылается на монографию Немировского «Возникновение книгопечатания в Москве»; добавим к этому статью Немировского, посвящённую непосредственно указанной проблематике [Немировский 1962]. Н.Н. Зарубин перечисляет следующих авторов и произведения: Каспар Эберфельдт, Иван Рокита, Мартин Нандельштедт, сочинение английских купцов против папизма, два сочинения Антонио Поссевино, сочинение английского пастора Якоби [указ. соч.: 54-55]; он отмечает также «Травник» [там же: 56], четыре «Книги без указания их числа и названий, но, вероятно, не менее двух», вложенные по две в «Ростово-Богоявленский Авраамиев монастырь и в церковь Зосимы и Савватия в Муроме» [там же: 58], которые могли быть и иностранными, и книгу Нандельштедта, которая «в переводе на русский язык имеется в рукописном сборнике Соловецкого монастыря» [там же] (этот перевод является одним из немногих нарушений затишья переводческой деятельности второй половины XVI в., которую можно проследить по перечню А.И. Соболевского).

Таким образом, сюжет о «библиотеке Ивана Грозного» от поиска легендарных сокровищ утраченной античной литературы выводит к изучению вполне реальной проблематике бытования реальных произведений иностранной литературы в Московской Руси XVI-XVII вв.

Литература

- Амосов 1980 – Амосов А.А. «Античная» библиотека Ивана Грозного // Книжное дело в России в веках. – Л.: БАН, 1980. С. 6-31.
- Амосов, Зарубин 1982 – Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н.Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова. – М.: Наука, 1982.
- Баталов, Беляев 2013 – Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения в селе Коломенском: архитектура, история, археология. – М.: МГОМЗ, 2013.
- Белокуров 1898 – Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. – М., 1898.
- Буланин 1991 – Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI-XVI вв. – Munchen: [Б. и.], 1991.
- Горфункель 1993 – Горфункель А.Х. Гуманистические истоки легенды об «античной» библиотеке московских государей // ТОДРЛ. Т. 48. – М., 1993. С. 242-247.
- Ерусалимский 2015 – Ерусалимский К.Ю. Назначение истории // Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Под. ред. К.Ю. Ерусалимского. – М.: Наука, 2015. С. 221-287.
- Забелин 1894 – Забелин И.Е. Заметка к спору о царском архиве. – М., 1894.
- Зимин 1978 – Зимин А.А. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. – М.: [Б.и.], 1978.
- Йейтс 2000 – Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. с англ. Г. Дашевского. – М.: НЛЮ, 2000.
- Йейтс 1999 – Йейтс Ф.А. Розенкрейцерское Просвещение / Пер. с англ. А. Кавтаскина; под ред. Т. Баскаковой. – М.: Алетейя, 1999.
- Козлов 1994 – Козлов В.П. Тайны фальсификации: анализ подделок ист. источников XVIII-XIX веков. – М.: Аспект Пресс, 1994.
- Лихачёв 1894 – Лихачёв Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. – СПб., 1894.
- Луппов 1970 – Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. – Л.: Наука, 1970.
- Немировский 1962 – Немировский Е.Л. Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси // Книга : исследования и материалы. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. Сб. 7. С. 239-263.
- Немировский 1964 – Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. – Москва: Книга, 1964.
- Синицына 1977 – Синицына Н.В. Максим Грек в России. – М.: Наука, 1977.
- Слуховский 1964 – Слуховский М.И. Из истории книжной культуры России: Старорусская книга в международных культурных связях. – М.: Просвещение, 1964.
- Слуховский – Слуховский М.И. Русская библиотека XVI-XVII вв. – М.: Книга, 1973.
- Соболевский 1903 – Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси. Библиографические материалы. – СПб., 1903.
- Соболевский 1910 – Соболевский А.И. Библиотека московских государей в XVI в. // Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. – СПб., 1910.
- Стеллецкий 1993 – Стеллецкий И.Я. Мертвые книги в московском тайнике: Документальная история библиотеки Грозного. – М.: Моск. рабочий, 1993.
- Филюшкин 2007 – Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея

Курбского Ивану Грозному. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

Фильюшкин 2014 – Фильюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны. – СПб.: [Б.и.], 2014.

Фонкич 1977 – Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв. – М.: Наука, 1977.

Фонкич 2003 – Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. – М.: Индрик, 2003.

Шмидт 1984 – Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / [отв. ред. Д.С. Лихачев]; АН СССР, Археогр. комис., Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1984.

Аннотация

Возможна ли академическая научная позиция по таким вопросам, как «библиотека Ивана Грозного»? Является ли эта тема научной? В статье рассматривается история дискуссии о «библиотеке Ивана Грозного», участие в которой принимали самые разнообразные авторы – от несомненного маргинала И.Я. Стеллецкого до вполне уважаемых специалистов по Древней Руси, таких, как М.Н. Тихомиров. В ходе статьи идея «библиотеки Ивана Грозного» подвергается радикальному переосмыслению: «библиотека Ивана Грозного», если понимать её не как объект кладоискательства, а как возможность реконструировать круг чтения царя и бытование в Московской Руси зарубежной литературы, оказывается вполне легитимным предметом научного исследования.

Ключевые слова

археография; библиотека Ивана Грозного; книги; паранаука; рукописи; чтение

Сведения об авторе

Кочековская Ника Александровна, Российский государственный гуманитарный университет, факультет истории, политологии и права (ФИПП), кафедра теории и методологии истории

e-mail: nika.ko4ekovskaya@yandex.ru

